

ПОЭТИКА ШОЛОХОВСКОГО ТВОРЧЕСТВА В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ОСМЫСЛЕНИИ

(Этнолингвистика и лингвокультурология художественных текстов Михаила Шолохова / З.И. Бутрим, О.А. Давыдова, Е.И. Диброва, Н.А. Ковалева, Д.А. Осильбекова, В.В. Петелин, К.Я. Сигал, Г.Я. Солганик, Е.О. Шацкий; под ред. О.А. Давыдовой: монография. М.: МПГУ, 2015. 492 с.)

Знакомство с монографией московских шолоховедов не может не побудить к отклику на ее появление: несомненно, это значимое событие в отечественной филологии. Однако приходится начинать рецензию с указания на некое несоответствие: ее содержание шире тематики, заявленной в названии. Во-первых, название обещает сосредоточенность авторов на художественных текстах М.А. Шолохова, а в составе монографии есть раздел, объектом внимания в котором является эпистолярный писателя. Во-вторых, два раздела посвящены творческой истории романов «Тихий Дон» и «Поднятая целина», что вряд ли может быть напрямую соотносено с проблемами этнолингвистики и лингвокультурологии. И все же, несмотря на упомянутое несоответствие, ценность книги нельзя отрицать. Объем рецензии, к сожалению, не позволяет говорить о каждом разделе, поэтому ограничимся немногими комментариями.

Введение представляет собой прекрасный путеводитель по монографии. В нем обоснована актуальность исследования, представлены точки зрения на статус донского казачества, сформулирован основной принцип подхода авторского коллектива к анализу творчества М.А. Шолохова – исследование языка текстов писателя как средства «отражения этнографических особенностей донских казаков».

Основную часть монографии начинает раздел «Поэтика художественного слова в языке М. Шолохова», принадлежащий лауреату международной Шолоховской премии Е.И. Дибровой. Скромный по объему и, по-видимому, незавершенный по содержанию (к глубокому сожалению, Елена Иннокентьевна ушла из жизни в 2014 году), он, тем не менее, отмечает основные аспекты шолоховской поэтики. Главная мысль раздела определяется следующими утверждениями: «Сверхзадача творчества определяет кредо автора, целевые установки его произведений и выявляет его экспрессивно-деятельные функции языковых структур в речевых условиях. Центральная идея, смысл творчества, конструирует произведение художника слова в его содержательно-структурной протяженности и эстетической направленности» (с. 8).

Объемный раздел, написанный О.А. Давыдовой, посвящен анализу лексики и фразеологии, отражающей этнографию донских казаков, в художественных текстах М.А. Шолохова. Это обстоятельное описание тех слов и устойчивых оборотов (фразеологических единиц и составных бытовых терминов), которые аккумулируют информацию о жизни и быте казачества. Раздел состоит из множества подразделов, последовательно, с опорой на исторические, этнографические и лингвистические научные труды, а также на авторитетные лексикографические источники комментирующих общезыковую, диалектную и авторскую семантику языковых единиц, которые именуют представителей казачества и иных жителей Обдолья, детали истории казаков, их мирной жизни, воинской службы, традиций, обычаев и обрядов. Изложение результатов исследования лексико-фразеологического материала подчинено в основном двум принципам: деривационному (представлено, в частности, обширное словоо-

бразовательное гнездо с корнем *казак-*) и тематическому. В рамках реализации второго принципа иногда рассматриваются парадигмы лексем – группы синонимов или синонимические ряды. Как правило, результаты анализа отличаются выверенностью и достоверностью, хотя в единичных случаях они небесспорны. Так, в подразделе «Синонимы, выражающие понятие *не казак* в казачьем дискурсе и в произведениях М.А. Шолохова (*москаль, кацап, хам, хамлет*)», кажется неточным утверждение: «У Шолохова представлено слово *хам* как дериват с собирательным значением» (О.А. Давыдова имеет в виду слово *хамье*, которое все же является именно дериватом слова *хам*, т.е. самостоятельной лексемой). Кроме того, в шолоховских текстах, судя по приводимым автором разделам примерам (с. 108 – 109), слова *хам, хамье* не выступают в качестве синонимов к словам *иногородний, иногородние*. Противоречивым выглядит объяснение соотношения семантики слов *пай* и *надел*. В подразделе «Лексика, отражающая особенности казачьего землепользования (Земля Войска Донского, войсковая земля, юрт, пай)» указано: «Земля станичного юрта делится на хуторские наделы, а уж из них наделаются пайи на каждого мужчину-казака». Затем со ссылкой на лексикографические источники признается следующее значение слова *пай*: «арх. 'Основной земельный надел казака' [БТСДК: 353], Устар. 'Участок земли, луга, леса, надел, выделяемый казаку из общего фонда'» (с. 114). Однако в следующем подразделе значение формулируется иначе: «Но если *пай* – это право казака на владение определенным количеством земли, то реализуется оно в *наделах*» (с. 116).

В соответствии с целью – выявить «этнографические особенности донских казаков в произведениях М.А. Шолохова» (с. 4) – О.А. Давыдова сопровождает лингвистический анализ историко-этнографическим и лингвокультурным комментарием. Расчет на то, что читателем книги может оказаться не только специалист-языковед, но и обычный носитель языка, незнакомый с диалектным лексиконом, побуждает автора раздела снабжать цитируемые шолоховские тексты пояснениями, ср.: «Только в 1918 году история окончательно разделила *верховцев* ('Казаков, живших в верхнем течении Дона'. – О. Д.) с *низовцами* ('Казаками, жившими в нижнем течении Дона'. – О. Д.)» (с. 18); «В сторонке человек пять *старых казаков допытывались у одного из молодых*: – Ты какой станицы? – *Еланской*. – Из *козлов* (казаки разных станиц имели разные прозвища: Еланской – козлы, Вешенской – кобели. – О. Д.), *значится?* – Так точно. Тих. Дон, 3, VII». Иногда даже создается впечатление, что автор раздела рассчитывает именно и исключительно на неискушенного читателя, поскольку комментирование касается и слов, которые не входят в круг этнографически ориентированной или территориально ограниченной лексики, ср. цитирование фрагмента рассказа «Коловерть»: «*За завтраком Михаил усика белобрысые нафиксатуаренные* ('напомаженные'. – О.Д.; фиксатуар 'помада для приглаживания волос, употребляемая при придании мужской прическе желаемой формы' [СК: 1422]) *самовольно накручивал*» (с. 59).

Одной из задач монографии авторы видят возможность выявления таких особенностей употребления лексики, которые еще не были (или в недостаточной степени были) предметом описания в «Словаре языка Михаила Шолохова» (М., 2005). Однако иногда возникает неоправданная акцентировка на этой задаче, появляется ощущение, что монография – простое приложение к материалам для уточнения словарных статей. Так, в подразделе «Образ борозды в поэтике М.А. Шолохова», начинающемся указанием на семантику данного слова, неожиданно после этого формулируется абзац, начинающийся словами: «Следовательно, в языке

писателя дифференциального типа, когда в словарь помещаются только языковые средства, отличающиеся семантикой от узуальных, таких контекстов со словом *борозда* быть не должно, а это не совсем верно, так как слово является одним из самых частотных в дискурсе писателя» (с. 141). Думается, целесообразнее было бы выносить подобные комментарии в сноски или выделять их особым шрифтом (это можно было бы оговорить в том же Введении).

Очень важным для понимания проблемы диалога писателя и читателя является раздел «Авторская текстографема как один из способов предупреждения коммуникативного сбоя в системе автор – текст – читатель», написанный З.И. Бутрим. Признавая значимость для декодирования художественного текста редакторских пояснений и обращения читателя или исследователя-филолога к специальным словарям, автор анализирует приемы, с помощью которых сам М.А. Шолохов передает читателю фоновые знания, позволяющие правильно и глубоко понять текст, взглянуть на мир глазами писателя, – авторские текстографемы и авторские сноски. В разделе представлена типология авторских текстографем по разным основаниям – объему, структуре, текстовому адресанту – и приведен анализ ряда отсутствующих в современном русском литературном языке слов и выражений (*накониться, наплав, отвод, одвуконь, нахаленок, глухая пора* и т.д.), смысл которых, однако, становится ясен читателю из самого текста произведения.

Два раздела, созданных В.В. Петелиным, освещают творческую историю романов «Тихий Дон» и «Поднятая целина». В начале первого из них ученым предпринимается попытка соединить мысль о работе писателя над текстом «Тихого Дона» с проблемами этнолингвистики (см. с. 228–229), со ссылкой на труд Н.И. Толстого изложить взгляд на суть этнолингвистики. Однако большая часть написанного В.В. Петелиным далека от проблем этой науки. Читатель имеет возможность познакомиться с исследовательской интерпретацией рождения текста романа, выстроенной с учетом работ предшественников и полемизирующей с частью из них (к сожалению, автор почему-то не упомянул обстоятельную статью Г.Н. Воронцовой в «Шолоховской энциклопедии» (М., 2012) об истории создания романа). Много места уделено изменениям, которые роман претерпевал от издания к изданию. За этим стоит кропотливая текстологическая работа, открывающая читателю творческую лабораторию М.А. Шолохова. В разделе, посвященном «Поднятой целине», не только освещена история создания романа на широком социально-историческом фоне, но и дается обзор литературно-критических и литературоведческих работ, посвященных данному произведению.

От характеристики общей творческой истории «Тихого Дона» авторы переходят к его речевой структуре (этот раздел написан Г.Я. Солгаником). Принципиально важным и направляющим здесь выступает тезис о том, что «художественный метод писателя проявляется не только в использовании слова, но и в том, как автор соединяет слова, строит речь, структурирует (членит) смысловое (художественное) пространство, как формирует прозаические строфы, фрагменты, главы, части вплоть до целого произведения» (с. 287). Ученый анализирует элементы речевой структуры от меньшего к большему, рассматривая особенности порядка слов в предложении (прием инверсии), соотношение видов чужой речи (оно помогает выявить тип «субъекта речи, от лица которого ведется повествование» (с. 289), а следовательно, и «общую стиливую тональность» (там же) произведения), на конкретных примерах демонстрирует механизм образования художественной строфы, характерную для анализируемого текста структуру главы, а также соотношение и связь самих глав как отражение «движения художественной мысли писателя» (с. 302).

В разделе «Своеобразие синтаксиса и пунктуации М.А. Шолохова» (автор – К.Я. Сигал) внимание сосредоточено на тех особенностях употребления синтаксических единиц в текстах М.А. Шолохова, которые еще не попадали в поле зрения шолохovedов, – «бытийном синтаксисе и вариантности пунктуационного оформления бытийных предложений с локативным детерминантом» (на примере «Тихого Дона»), «текстовой стилистике конструкций с приложением и участии многоточия в передаче эмоционального подтекста речи» (путем анализа текста рассказа «Судьба человека» и его переводов на английский язык). Такой подход представляется рациональным, ибо обеспечивает новизну исследования.

Содержание раздела «Типология и функции словообразовательных средств в художественной речи М.А. Шолохова (на материале имен прилагательных и наречий)» (автор – Д.А. Осильбекова) полностью соответствует названию. Исследователь подробно и тщательно описывает и семантическую структуру, и словообразующие аффиксы исследуемых единиц. Наблюдения и выводы в разделе добротны и достоверны. Сожаление вызывают лишь три момента: 1) при описании внутренней формы производных прилагательных автор не обращался к работам предшественников (сведения о них см., хотя бы в статьях «Лексика Шолохова», «Тропы в художественном творчестве Шолохова» в упомянутой выше «Шолоховской энциклопедии»), 2) в работе отсутствует количественный анализ материала, 3) системный подход преобладает над функциональным.

Отдельный интерес вызывает раздел «Этнолингвистическая интерпретация книжных иллюстраций к произведениям М.А. Шолохова» (автор – Е.О. Шацкий). Исходя из иллюстраций, созданных художниками разных стран, исследователь выявляет степень проникновения авторов в психологизм писателя и их способность почувствовать казачий взгляд на мир.

Раздел «Эпистолярный как отражение языковой личности М.А. Шолохова», написанный Н.А. Ковалевой, как уже отмечалось в начале рецензии, как будто непосредственно не отвечает тематике монографии и, тем не менее, оказывается очень нужным, ибо письмо – это отражение личности автора. Анализ эпистолярного наследия М.А. Шолохова – еще один ключ к пониманию представлений в творчестве писателя этнографии донского казачества.

В целом текст книги читается легко, с удовольствием, хотя у рецензента и есть претензии к ее технической редакции и корректуре.

Монография, бесспорно, будет востребована как специалистами – шолохovedами, этнолингвистами, лингвокультурологами, так и широким читателем. Думается, она заслуживает переиздания более крупным тиражом.

Л.Б. Савенкова

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ ЮЖНОГО РЕГИОНА РОССИИ

(Ахмадулин Е.В., Станько А.И. Региональная печать Дона и Северного Кавказа XIX – начала XX вв. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. 372 с.)

Монография Е.В.Ахмадулина и А.И. Станько «Региональная печать Дона и Северного Кавказа России XIX – начала XX вв.» является в определенной степени действенным откликом на инициативу Академии наук региональной печати России подготовить «Энциклопедию региональной печати». Первым и прямым отзывом на эту инициативу стала публикация профессора